

УДК 94(510)“1840-1842” + 821.161.1-3 + 7.033/.038

В. А. Кузьмин

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗВОРОТ НА ВОСТОК? ВОРОНЕЖСКИЙ АВТОР ИЗДАЛ ПОВЕСТЬ ИЗ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИИ (ИНТЕРВЬЮ С Г. М. ЛИТВИНЦЕВЫМ)

Ключевые слова: Китай (история), Опиумная война, ориентализм, повести.

Малознакомый современному читателю мир Цинской империи, ее воинства и чиновников-мандаринов; портовый город Гуанчжоу (Кантон) с его опиумными курильнями и притонами; английская колониально-военная экспедиция; морские и сухопутные сражения тех времен. Таков антураж повести воронежского литератора **Геннадия Литвинцева** «Молодым не ходи в Гуандун. Записки о бедствиях Опиумной войны, составленные Ли Вэньхуа, конфуцианцем», вышедшей в этом году в екатеринбургском издательстве Ridero. От лица юноши, получившего классическое конфуцианское образование и едва вступающего в самостоятельную жизнь, рассказывается о драматических событиях в истории Китая полуторавековой давности, получивших название Первой опиумной войны. Бесхитрое с виду повествование невольного очевидца и участника англо-китайской войны обладает достоверностью исторического свидетельства, и при этом увлекательностью приключенческой прозы. Предлагаем интервью с автором повести.

Геннадий Михайлович, что ни говори, а для российского автора обращение к истории далекого Китая выглядит несколько неожиданно. И при этом – такой объем исторических фактов, литературный стиль той эпохи – так что остается впечатление, будто «записки» в самом деле написаны китайцем и лишь переведены на русский. Что побудило вас обратиться к столь отдаленному – и во временном и пространственном смысле – сюжету?

– Пожалуй, начну с того, что я родился и вырос в Китае, на станции близ Харбина, тогда понятнее станет все остальное. Как известно, в городах и поселках Маньчжурии, на линии КВЖД, столетие назад нашли приют и спасение от бедствий гражданской войны десятки тысяч русских людей. Впоследствии десятилетним я с родителями репатриировался в Россию (СССР). Но интерес к Китаю, его истории, культуре и современной жизни остался у меня навсегда. И со временем созрела мысль сделать что-то хорошее для страны, по воле судьбы ставшей мне родиной, например, раскрыть соотечественникам некоторые драматические

страницы китайской истории. К тому же Китай представляет сейчас основную и все более растущую силу современности и, думаю, наше стремление лучше узнать и понять эту страну будет год от года идти по восходящей. Вот уже у нас заговорили об экономическом «развороте на восток». Можете считать, что моя повесть – прецедент литературного, духовного разворота в эту сторону.

Данный факт вашей биографии, действительно, многое объясняет. Наверное, в эмиграции вы учились в китайской школе, изучали китайский язык?

– Нет, к сожалению, учить китайский не довелось. В Хаке, в небольшом нашем поселке, была и русская школа, и церковь. Так что в китайской школе я бывал только на экскурсии. В отличие от европейских стран, где эмигранты уже во втором поколении заметно ассимилировались и большей частью стремились раствориться среди автохтонов, в Китае русские с местным населением почти не смешивались. А главное, продолжали себя считать подданными России, лишь временно оказавшимися за ее пределами.

Все, кто видел Харбин тех лет, отмечали поразительную самобытность этого города, его стойкость, верность традициям. Когда в самой России с революцией все перевернулось вверх дном, здесь сохранился островок, своеобразный «град Китеж», прежней русской жизни с ее деловым и праздничным размахом, предприимчивостью и консервативной устойчивостью обычаев. «Нет харбинца, который не вспоминал бы с глубокой благодарностью годы жизни, проведенные в Харбине, где жилось привольно и легко, – вспоминала писательница Наталья Резникова. – На всем земном шаре не было другой страны, в которой русская эмиграция могла почувствовать себя в такой степени дома».

С войной, закончившейся освобождением Маньчжурии от японской оккупации, возникновением КНР, прежняя жизнь окончилась. Красный Китай не хотел больше терпеть державшееся особняком миллионное русское население. Со смертью Сталина и в Советском Союзе отношение к эмигрантам стало меняться, бывшая вражда и непримиримость теряли остроту, зарастали быльем. В 1954 году из Москвы раздался официальный призыв возвращаться на Родину. Репатриация растянулась на несколько лет. При этом часть харбинцев подалась в другие страны – в Канаду, Аргентину, больше всего в Австралию. Впрочем, о жизни русской эмиграции в Китае, о ее метаниях я рассказал в повести «Сон ласточки», в 2015 году она опубликована в журнале «Подъем».

Теперь понятно, что Китай для вас не чужая страна, китайскую культуру вам несколько легче почувствовать и освоить. Тем не менее остается вопрос – почему сюжет произведения взят из времени так называемых «опиумных войн»? Чем именно вызвали они творческий интерес?

– Для Китая это, можно сказать, «осевое время», период резких потрясений и перемен, причем во многом сделанных не по своему выбору, а навязанных извне. По объемам производимого продукта Китай в середине XVIII в., как и нынче, занимал первое место в мире, ему принадлежало более трети общемировой экономики. Власти Британии нуждались в развитии торговли с богатейшей страной, к тому же обладавшей «эксклюзивными» товарами. Ежедневно за счет ввозной

пошлины за один только чай в британскую казну поступало больше 3 миллионов фунтов стерлингов, этих средств хватало на покрытие половины расходов на Королевские военно-морские силы. Поэтому Британию все более остро занимал вопрос проникновения на обширный китайский рынок. Но для этого прежде всего следовало как-то суметь распахнуть двери в эту страну. Будучи абсолютно самодостаточной, империя веками ограничивалась внутренней торговлей между своими обширными провинциями, не имея ни нужды, ни желания открываться перед иноземными «варварами».

Эта точка зрения с непоколебимой уверенностью изложена в знаменитом ответе великого императора Цяньлуна (правил почти шестьдесят лет, 1735–1795 гг.) на письмо короля Великобритании Георга III, предложившего в 1793 году установить между ними дипломатические и торговые отношения: «Что же до твоей просьбы о том, чтобы аккредитовать одного из твоих подданных при моем Небесном Дворе и доверить ему контроль над торговлей с Китаем, то она противоречит всем нашим традициям и не может никак быть исполнена... Чужие цели меня не интересуют. Мы не придаем никакого значения вещам экзотическим или дорогостоящим, и в товарах твоей страны не нуждаемся». Если бы британский посланник лорд Макартни разгласил тайну своего двора, что Георг III время от времени теряет рассудок, китайский император этому ничуть бы не удивился. Разве в здравом уме пришло бы какому-то варварскому князьку в голову обращаться к Сыну Неба, как если бы он был ему ровней? А уж тон британского послания, даже приняв во внимание невежество его составителей, должен был показаться Цяньлуну и его окружению поистине дерзким.

В общем, до первой опиумной войны империя Цин жестко проводила политику «закрытых дверей», не допуская западных коммерсантов и миссионеров на свою территорию, ограничивая их деятельность приморской провинцией Гуандун (Кантон). Тогда Англия решила подобрать к этой богатейшей стране ключик. И нашла его в виде опиума, который и начала поставлять контрабандой из Индии, настойчиво приучая китайцев к дурману. Кстати, название повести взято из популярной тогда китайской песни «Молодым не ходи в Гуандун!»: в том краю легких денег, разгула и притонов легко было забыть себя, родных и любимых, потерять душу, а то и жизнь. Когда же император попытался остановить наркотическую агрессию, миллионами уничтожавшую население, англичане послали к берегам Китая боевой флот и начали войну с целью «выбить двери» богатой страны, заставить ее согласиться с уделом бесправной колонии. Таким образом, нерв и смысл повести составляет конфликт двух, столь не похожих друг на друга, цивилизаций: древней китайской, тогда замкнутой в самой себе, духовно глубокой, погруженной, как в гипнотический сон, в красоту и величие прошлого; и европейской (английской) – рациональной, предприимчивой, наступательной, вооруженной идеологией прогресса и обязательного успеха, не отягощенной философскими и моральными рефлексиями, но претендующей на мировое господство и добывающейся его посредством стального кулака и денежного мешка. У нашего замечательного писателя Ивана Александровича Гончарова в очерках «Фрегат “Паллада”» (а он побывал в Китае и Японии в тот самый период опиумных войн) так описывается

обычная империалистическая тактика: «Поступить по-английски – то есть пойти, например, в японские порты, выйти без спросу на берег, и когда станут не пускать, начать драку, потом самим пожаловаться на оскорбление и начать войну. Или другим способом: привезти опиум и, когда станут принимать против этого строгие меры, тоже объявить войну».

Мне показалось символичным описание сражения у крепости Чжапу, когда в схватку с английской армией, оснащенной «самым передовым» оружием, кинулись крылатые мастера рукопашного боя, древнего ушу.

– Да, кинулись – и полегли под пулями и штыками солдат, действующих с точностью бездушных, заведенных на убийства механизмов. «Совершенный человек», которого проповедовала тысячелетняя китайская мудрость, оказался беспомощным перед изобретенной и сработавшей на Западе военной машиной. В результате англичане, не неся особых потерь, громят китайские крепости и города, мощью своих пушек устрашают императорский двор, диктуют унижительные условия договоров, снимающие всякие запреты и ограничения на торговлю наркотиками, из-за введения которых и начался конфликт. В качестве камуфляжа – либеральная болтовня в английском парламенте и в английских газетах, оправдывающая войну тем, что она ведется, мол, ради открытости границ и свободы торговли, с тем, чтобы страна-жертва быстрее могла включиться в «современную цивилизацию». Так сквозь историческое полотно рельефно проступают реалии наших дней...

В самом деле, спросим себя, не был ли Цяньлун прав, отвечая таким образом английскому королю? Мы, знающие продолжение истории по учебникам, можем поиронизировать над наивностью и простодушием императора, не предугадавшего дальнейших последствий общения с англичанами. Да, спустя четыре десятилетия после миссии Макартни Великобритания провела победную войну с Китаем и продиктовала свои условия под дулами пушек. Но что, собственно, эти последствия означают? Только малую осведомленность императора и его советников, не подозревавших о военной мощи «варваров Южного моря», обретенной ими благодаря практическому применению новых открытий физической и химической науки.

«Не доказывает ли такое продолжение истории, что Цяньлун был все же проницателен и мудр в своей политике “закрытых дверей”, хотя и плохо информирован относительно военной силы англичан? – Спустя столетие задался вопросом английский историк А. Дж. Тойнби. – Интуиция императора предостерегла его от “экзотических и примитивных” британских товаров, одним из которых, причем самым главным, был выращенный на бенгальских плантациях опиум. Когда власти запретили эту торговлю, как и должно было сделать уважающее себя правительство, варвары воспользовались своим военным преимуществом, чтобы пушечным огнем с моря ввести в Китае британскую торговлю на своих условиях. Я понимаю, что это весьма упрощенное описание «опиумной войны», но по существу это правда, и единственное, что можно сказать в пользу виновников данного международного преступления, – это то, что с тех самых пор они стыдились своей акции. Я хорошо помню это, надеюсь, искупающее ощущение стыда, переданное мне еще в детстве моей матерью, когда я спросил ее об “опиумной войне” и она рассказывала мне о ней» (А. Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории).

Действительно, «закрытые двери» вовсе не были тогда выражением ксенофобии или прихотью императора, а скорее предусмотрительной и вполне разумной политикой.

Сюжет «записок о бедствиях войны» исторический. И тем не менее, как мне представляется, в них вложено нечто важное для нашего времени, для современного Китая...

– Повесть недаром написана от первого лица: мне хотелось разглядеть те драматические события именно глазами их современника, китайского юноши; так же посредством его восприятия, «изнутри», показать быт, любовные, родственные и служебные отношения того времени, картины народной жизни. Пришлось перечитать множество справочной и исторической литературы, источников и документов, оживить в памяти китайскую классику с ее особенной стилистикой и интонацией. В ходе работы я понял: народный характер меняется медленно, тысячелетиями, особенно в восточных странах. Поэтому повесть, будучи исторической по сюжету, читается и как актуальная, современная по смыслу, она, я думаю, поможет читателям лучше узнать и понять китайцев. На ее страницах оживают подлинные исторические фигуры – цинский император Даогуан, руководивший в Гуандуне борьбой с наркотической агрессией народный герой Линь Цзэсюй, британский «суперинтендант» Чарльз Эллиот, первый британский генерал-губернатор Гонконга Генри Поттинджер, командовавший рейдом английской эскадры генерал Хью Гоф, посланники Цинского двора Илипу и Киин и другие. Все же главным героем является сам Вэньхуа (Грамотей, Начитанный), от чьего имени ведется повествование. Воспитанный в конфуцианской морали, взявший себе за образец мудрецов и героев древности, юноша роковым образом оказывается на переднем крае событий, теряет возлюбленную, едва сам не гибнет, попадает в плен – и осознает, что враждебные силы, пусть материально и более могущественные, можно преодолеть духовным порывом. Как говорит один из героев повести, «В конце концов, побеждает ведь не порох, а тот, кто его выдумал».

Что в середине XIX века, что сегодня самая населенная страна мира, если не брать узкий слой профессионалов, остается метафизической загадкой, абсолютной иллюзией для европейцев, да и для россиян тоже. Вместо знаний – стереотипы, или как сейчас говорят, матрицы: страна мудрецов-философов, буддийских монастырей, мастеров и т.п. Или Китай мистический и экзотический: фэншуй, чайные церемонии, китайская медицина, которая якобы от всего помогает. Третий Китай – хитрый, прагматичный, страна подделок и дешевки, где можно все купить и продать. Есть пара десятков таких стереотипов, и китайцы не разрушают их: главное, что они приносят либо доброе имя, либо прибыль. Вообще-то, за редким исключением, европейцам не интересен настоящий Китай. Постигание иной культуры требует большого количества времени. Интересы к открытию нового Китая, за редким исключением, нет.

Вы же знаете, что современные западные политологи вроде Хангтингтона и других делят современное человечество на «цивилизации». Китай, как и Индия, безусловно, самобытны, однако они не навязывают своего понимания «правильного устройства» другим странам, не заставляют их под угрозой бомбежки менять

веру и не экспортируют наркотики, как химические, так и духовные. Даже иранские аятоллы уже не рассматривают свою идеологию как предмет назойливого экспорта. Есть только одна «цивилизация», условно именуемая евро-атлантической, которая в принципе не признает за другими государствами суверенитета и исходит в международных делах из того, что ее идеологические (по сути, уже религиозные) догмы являются общеобязательными. От евроинтеграторов невозможно спрятаться на «острове», мы вынуждены с ними вступать в конфликты, и не во имя какого-то альтернативного умозрительного «проекта», даже не ради сохранения идентичности, просто для того, чтобы оставаться людьми.

В наши дни наркоторговля уже не ограничивается лишь наркотрафиком, пусть и с нарощенной на него нарко-субкультурой (истоки которой восходят к молодежной контр-культуре). Она образует своего рода «нижний этаж», скорее даже – фундамент процесса глобализации. Наркотикам в глобальном сверхобществе будущего отведена роль социального регулятора. Как некогда в Китае, Англии позапрошлого века или современных США, глобальный контроль над наркотиками будет не только приносить огромную прибыль, но и умирять, перенося в мир иллюзий и делая безопасными для этого сверхобщества тех, кто, по мнению его хозяев, является в нем «лишним», либо представляет угрозу «новому мировому порядку».

Надеюсь, мой скромный труд по представлению китайской истории и культуры нынешнему российскому читателю не останется незамеченным в Китае и вызовет ответное желание лучше узнать прошлое и настоящее нашей страны. Издание повести могло бы стать действительным актом той народной дипломатии, о которой мы все много говорим, но еще мало что делаем.

The article was submitted on 21.04.2017